

Варвара Б. ХЛЕБНИКОВА*

ЗАГАДКА ЛИЧНОСТИ ПОЭТА И ПРАВИТЕЛЯ ПЕТРА НЕГОША В ТРУДАХ П.А.РОВИНСКОГО

ABSTRACT: Works of famous Montenegrin poet Petar Njegoš inspired Russian specialist in Slav history P.A. Rovinsky to write a monograph, containing a successful attempt to describe the personality of the Montenegrin ruler.

KEY WORDS: *P. A. Rovinski, Njegoš, Montenegro, humanity.*

Славянский мир в 2013 г. отмечает двухсотлетие со дня рождения черногорского поэта Негоша. В России проходят научные конференции и издаются юбилейные сборники¹. Так происходит не впервые. В конце XIX века, в год 75-летия владыки Петра II тоже выходили многочисленные статьи и монографии крупных российских ученых, в которых описывались исторические заслуги выдающегося черногорца. Среди трудов, посвященных жизни и творчеству Негоша, особое место занимают произведения П.А.Ровинского². Ясно, что прожив в Черногории более двадцати лет, пройдя ее всю много раз и узнав этот народ лучше, чем кто бы то ни было, славист не мог обойти своим вниманием личность поэта, философа, политика, борца за свободу славян Петра Негоша.

* Ауторка је доцент кафедры регионалних истраживања факултета иностраних језыков и регионоведения МГУ имени М.В.Ломоносова

¹ Петар II Петровић Негош – митрополит, реформатор, поет. М., Институт славјановедения РАН, 2013

² Ровинский П. Значение владык в истории Черногории (Читано на торжественном собрании СПб. благотворительного общества 6 апреля 1886 г. // Известия СПб. благотворительного общества. 1886, №№ 4-5; Ровинский П.А. Петр II (Раде) Петровић Негош владыка черногорский (1830-1851). СПб., 1889; Ровински П. Петар Петровић Његош и Ј. Гагић руски конзул у Дубровнику: Са владичиним писмима из архива руског конзулата у Дубровнику // Јавор. 1886, №№ 1-10; Ровински П. Владика Црногорски Петар II по одзивима странијех писаца // Књижевни лист. 1902, №№ 3,4,5,6,9-10

П.А.Ровинский взялся за эту тему в те же годы, когда вышла в свет книга П.А.Лаврова «Петр II Петрович Негош, владыка черногорский и его литературная деятельность»³. Многократно подчеркивая научный успех П.А.Лаврова, славист все же считал, что далеко не все стороны жизни и деятельности владыки нашли полное освещение и правильную оценку в монографии, что исторические источники, за которыми следовал П.А.Лавров, иногда были однобокими, что многие поступки и решения Негоша выглядели в контексте общеполитических и черногорских дел первой половины XIX в. не совсем так, как это трактовал Лавров. П.А.Ровинский в начале своей книги написал, что не хотел бы полемизировать или исправлять П.А.Лаврова. Он даже не стремился во что бы то ни стало дополнить то, что можно было бы описать по-другому, хотя от дополнений, исправлений и возражений, конечно, не удержался. Замысел П.А.Ровинского был в том, чтобы представить Негоша не просто политиком или литератором. Славист хотел показать масштаб этой выдающейся фигуры, разгадать загадку его трагической судьбы, передать российским читателям харизму владыки, под обаяние которого попадали даже заклятые враги. Если труд П.А.Лаврова – это образец кропотливого позитивистского исследования, пример дотошного изучения и научной критики источников, то книга П.А.Ровинского «Петр II (Раде) Негош, владыка черногорский 1830 - 1851»⁴ стала своего рода панегириком славянскому поэту, не уступив в научности монографии П.А.Лаврова.

П.А.Ровинский не только не скрывал своей пристрастности и увлеченности поэтом, он акцентировал на этом внимание читателей, убеждая их, что деятельность Петра II никого не может оставить равнодушным. Почему ученый решился на столь смелый в академической среде шаг? Почему он так безусловно оправдывает все поступки и замыслы Негоша? Почему позволил себе, будучи зрелым и успешным исследователем, так восторженно писать о человеке, который заслужил разные, противоречивые и даже негативные оценки современников? Попробуем найти ответы на эти вопросы.

Славист считал очень важными для понимания всего, что делал Негош, те особые обстоятельства, при которых обычный юноша вдруг оказался митрополитом. Очень почитаемый черногорцами владыка Петр I Негош (1784-1830 гг.) перед смертью назначил своим преемником родственника Радивоя (Раде) Томова Петровича потому, что от монашеского сана отказался другой кандидат на место митрополита. По мнению П.А.Ровинского, сам Петр I Негош не видел в племяннике за-

³ М., 1887

⁴ СПб., 1889

датков для церковной деятельности. Он готовил мальчика к светской жизни, сделав его учеником известного тогда писателя и общественного деятеля С.Милутиновича. Раде был веселым подростком, писал дяде смешливые письма и рано проявил повышенный интерес к литературе. К тому же внешность юноши была совсем не монашеской: высокий рост, удивительной красоты лицо, статность привлекали к нему внимание окружающих, но мало в ком такая привлекательность вызвала благочестивые мысли. П.А.Ровинский высказался прямо – Раде был слишком красив, чтобы быть монахом. Узнав о завещании дяди и о том, что народное собрание готово выполнить волю покойного митрополита, молодой человек разрыдался и спрятался; когда же его нашли и «буквально вытолкнули к народу»⁵, он не знал, что делать. Племенные старейшины подсказывали, как именно нужно благославлять паству. Так поэт Негош оказался пленником своей судьбы.

Правда, современные черногорские исследователи полагают, что П.А.Ровинский ошибался, называя юного поэта митрополитом поневоле. В качестве аргументов выдвигаются общеизвестные факты, что племянник много времени проводил в Цетинском монастыре в обществе дяди, что его можно считать воспитанником Петра I. Все это так, однако у П.А.Ровинского были основания думать, что Раде Петрович в юности мечтал не о церковной жизни, а о литературном поприще, о путешествиях, о знакомстве с другими странами и народами. Письма юноши и самые ранние литературные произведения Негоша наводили на такие размышления. Славист полагал, что всю недолгую жизнь Петр II отказывался вести торжественные церковные службы потому, что не очень хорошо знал их распорядок: «Сделавшись монахом поневоле, он никогда не мог примириться с этим саном, и потому всегда и во всех случаях избегал монашеской рясы и священнодействия в церкви»⁶. У владыки при жизни и после смерти были недоброжелатели, которые упрекали его в пренебрежении обязанностями митрополита, в нежелании соблюдать монашеские уставы и даже в ленности. И.Гагич, которому Министерство иностранных дел России поручило курировать черногорские дела, доносил в Петербург: «На счет нравственности и поведения владыки, как многие черногорцы, так и австрийцы предосудительно выражаются. Говорят, что владыка ни малейше не старается благочестием и справедливостью снискать доверие своей духовной паствы; напротив же соблазнительным поведением своим навлекает на себя опорочение и мерзение. Он только и занимается охотой и стихотворством»⁷.

⁵ Ровинский П.А. Петр II (Раде)... С.22

⁶ Там же, с.78

⁷ Там же, с.79

П.А.Ровинский был убежден, что Гагич напрасно так поверхностно судил о поступках Петра II. Честность с самим собой, ясное понимание, что он не церковный человек, заставляли Негоша вести скорее светский, чем монашеский образ жизни. Русского ученого очень огорчало, что современники поэта редко задумывались, почему он так мало похож на монаха и чем ему пришлось пожертвовать для своего народа.

По мнению П.А.Ровинского, на протяжении всей жизни Негоша угнетала тяжелая ответственность за черногорцев, она была непосильной ношей для любого правителя в те времена. Страна была замкнута со всех сторон владениями турецкого и австрийского императоров, не располагала ни развитым хозяйством, ни ресурсами, вела непрерывную войну с соседями албанцами и постоянно голодала. Жизнь и смерть подданных оказались в руках человека, мечтавшего о другом поприще – о поэзии и философии. Петр II надорвался, неся непосильное бремя ответственности и мучительно отыскивая хоть какие-то возможности накормить свой народ. Враги владыки распускали слухи о его скупости, о том, что он утаивал суммы, присланные из России, ставили ему в вину введение небольшого, но тяжелого для бедняков налога. Однако оснований для подобных обвинений, по мнению П.А.Ровинского, не было. Когда Негош умер и огласили его завещание, то выяснилось, что невероятными усилиями он смог собрать и поместить в банк небольшой капитал, проценты с которого должны были поддерживать народ в голодное время. Кроме того, русский ученый считал нужным обратить внимание тех, кто критически отзывался о Петре II, на гордость и порядочность черногорского лидера. Как философ и политик, полный чувства собственного достоинства, Петр тяготился необходимостью просить помощь за границей, даже если это была помощь из России: «Владыку мучил принцип существования на чужой счет, которого народ не понимал и не хотел понимать»⁸. Вводя налог и копя деньги, он стремился сделать свою страну хоть немного самостоятельной. Уважение к черногорскому народу и самоуважение, особую щепетильность Негоша П.А.Ровинский видел и в том, что владыка никогда не опускался до популяризации (или как сегодня говорят, популизма): «...не искал себе популярности дарами и какими бы то ни было подачками главарям, ни задабриванием и угощениями массы...»⁹. При этом митрополит «лично не пользовался ни копейкой народной, а напротив, давал народу свое»¹⁰. Именно стремлением к самостоятельности, к общественному прогрессу, к повышению жизнеспособности Черногории

⁸ Там же, с.74

⁹ Там же, с.94

¹⁰ Там же, с.212

были продиктованы мероприятия, призванные укрепить центральную власть вообще и личную власть владык. Петр II продолжил начинания Петра I, цель которых состояла в создании прообраза государственных учреждений. В своей монографии П.А.Ровинский центральное место отвел роли Негоша в дальнейшем политическом развитии черногорского общества. Славист много раз подчеркнул преимущество политического курса митрополитов, нацеленность этого курса на светские задачи, на то, чтобы родилось черногорское государство. Поэтому все, что было сделано Петром II на политическом поприще - упразднение должности губернатора, пытавшегося теснить владык, пресечение племенных конфликтов и суровое наказание зачинщиков беспорядков, казни политических противников, введение особой должности казначея, попытка создать народную школу и многое другое – российский ученый одобрял и приветствовал.

Столь же высоко оценил П.А.Ровинский и внешнеполитическую деятельность митрополита. Славист слишком хорошо знал реалии балканской политической жизни. Черногорцы убивали врагов и отрезали их головы, отбивали у соседей скот и мстили за гибель близких. Они не давали спуска ни одной враждебной акции турецкой администрации, не оставляли без ответа ни одной вылазки албанцев. Часто давали повод праздным путешественникам из Европы распускать слухи о своей жесткости и склонности к насилию. Но только так, по мнению ученого, черногорский народ смог выжить во враждебном окружении. Великие европейские державы, в том числе и Россия, уже научились заключать компромиссы в трудных вопросах, приспособились разграничивать сферы интересов, договорились о поддержании спокойствия на Балканах. От своих союзников, больших и малых, великие державы ждали послушности и предсказуемости. В таком направлении в течение многих лет старался корректировать дипломатические акции Негоша российский консул в Дубровнике И.Гагич, контролировавший черногорские дела. Но путь компромиссов и уступок был закрыт для Черногории в XIX в., ей нечего было уступать, и никто из соседей не считал нужным пойти ей навстречу. Единственная уступка, на которую согласился владыка, это передача Австрии монастыря Маине и его окрестностей. Многие соотечественники сурово порицали митрополита за это, не зная, какое серьезное давление оказал на Петра II российский посланник И.Гагич. П.А.Ровинский, анализируя действия Петра II и И.Гагича в вопросах внешней политики, сравнивая масштаб личности двух современников, ярко описал, как мелок, трусоват и непоследователен в своих донесениях в Петербург представитель великой державы Гагич. И как отважен до самопожертвования, дерзок и смел был вла-

дыка Негош, руководивший крохотным народом. Не приветствуя пустой бравады и излишней воинственности, наказывая своих подданных за нарушение мира на границе, Петр II настойчиво давал понять турецким чиновникам и военачальникам, что от них он ждет того же. Он не позволял запугивать себя демонстрацией силы или неожиданными провокациями, добываясь военными и дипломатическими средствами признания интересов Черногории. Так случилось после военных стычек и долгих письменных препирательств по поводу местечка Грахово. Успех владыки, как полагал П.А.Ровинский, был очевидным, потому что итогом трудной борьбы стало письменное соглашение 1838 г. «между независимыми областями – Черногорией с одной стороны, и пашалуками Боснийским и Герцеговинским с другой», о разграничении спорных угодий в этой местности. «Это был первый публичный акт, - писал славист, - которым со стороны Турции Черногория признавалась независимой областью»¹¹. Особой заслугой митрополита П.А.Ровинский называл умение заставлять соседей уважать себя и искать мира с Черногорией, не обладая «ни десятой долей тех материальных средств», какими располагали неприятели¹². Медленно, но твердо продвигалась черноморская элита к независимости. Важно и то, что Петр II не был «узким патриотом и служил всю свою жизнь не только черноморскому народу, но и целому Сербству, освобождение и объединение которого составляло его заветную черту»¹³. Таким образом, ученый обозначает место владыки в политической истории всего южного славянства, настаивая на том, что нельзя ограничивать его деятельность только географическими рамками Черногории.

Особое место в монографии П.А.Ровинского заняла тема литературного наследия черноморского поэта. Филологический аспект нужен был слависту не для того, чтобы оценить талант Негоша, но для того, чтобы лучше понять его как человека, как мыслителя, решающего мучительные проблемы бытия, ищущего ответ на вопрос, почему на долю отдельных людей и даже целых народов выпадают невыносимые тяжкие испытания. В поэзии Негоша исследователь обнаружил две характерные черты, которые, казалось бы, мало сочетаются. Это ощущение полного одиночества и бесприютности, с одной стороны, и с другой, непоколебимая оптимистическая вера в то, что мир, сотворенный Богом, прекрасен и гармоничен. Свое одиночество правитель Черногории нес как тяжелую ношу всю жизнь. В юности это чувство было настолько сильным, что он готов был оставить родину и отправиться в дальние

¹¹ Там же, с.102

¹² Там же, с.122

¹³ Там же, с.97

края: «Знаете ли вы, что я много раз думал бросить все и отправиться в Америку...», - сказал он однажды¹⁴. В зрелом возрасте митрополит не мог себе позволить такой слабости, не мог даже в мыслях оставить свой народ на произвол судьбы, но и не избавился от беспокойства и тревоги, нигде не испытывал умиротворения: «Домашний кров представляет собой единое убежище от рассвирепевшей и дикой бури. Я сужу так по себе, потому что меня всегда преследует противный ветер, а прибежища для меня, можно сказать, и нет до могилы», - писал Негош в ноябре 1847 г.¹⁵ В «Горном венце», который П.А.Ровинский считал «верхом поэтической славы владыки», образ Даниила, призвавшего истребить потурченцев в рождественский вечер, это, в сущности, образ Петра II. Славист напоминает читателям монолог Даниила, подчеркивая, что эти слова отразили мироощущение самого поэта: «А что я могу сделать? И с кем? Мало рук – малая и сила: соломенка, брошенная в вихорь, сирота горемычный, у которого нигде нет никого. Мертвым сном спит мое племя; слезам моим нет родителей; для меня затворено небо, не принимает оно от меня ни плача, ни молитвы»¹⁶. П.А.Ровинский отметил сходство вымышленных слов с содержанием одного из писем Негоша, в котором владыка назвал себя великомученником, а свое несчастное отечество «голой сиротой». Такое неизменное страдание, сиротство, печаль не просто окрасили трагизмом литературные произведения, они, несомненно, сократили жизнь поэта. П.А. Ровинский был убежден, что преждевременная смерть настигла Петра II не случайно: «Объяснением может служить жизнь этого владыки, от самых ранних лет полная тяжелых забот и огорчений, и его деятельность без отдыха и без отрады; страшная работа головой и сердцем, вечное напряжение нервов, труд и горе сломили крепкую натуру...»¹⁷.

Однако Негош – настоящий оптимист, не потерявший веры в Бога и в справедливость, несмотря на свою горькую судьбу. Поэму «Лучи микрокосма» завершает обращение к Творцу, которое, по словам слависта, стало «целым гимном к мудрости и свету солнца»: «Сладка чистая святая вода из Твоего бессмертного источника! От Твоего светлого взгляда исчезает в страхе мрак, от Твоего священного шествия рушатся богохульные алтари; Ты поразил смерть воскресением; небо оглашается похвалою Тебе, земля прославляет своего Спасителя!»¹⁸ П.А.Ровинский убежден, что черногорский правитель нашел правиль-

¹⁴ Там же, с. 75

¹⁵ Там же, с. 150

¹⁶ Там же, с. 160

¹⁷ Там же, с. 178

¹⁸ Там же, с. 157

ные ответы на все трагические вопросы, что тяжелые испытания не заставили усомниться, но, напротив, укрепили веру в осмысленность истории. Итогом философских размышлений и поэтических трудов Петра Негоша стала непоколебимая убежденность, что «душа человеческая бессмертна, и представляет отражение светлого ума Бога». И также твердо владыка по мнению слависта, верил в человеческий разум: «Рядом с бессмертием души человека, поэт выше всего ставит его мысль, ум и просвещение»¹⁹. Возможно, поэтому творчество черногорского монаха не оставляет равнодушным и современного читателя, живущего в таком странном секулярном постмодернистском мире, где отрицаются очевидные вещи и библейские пороки объявлены добродетелями.

Также П.А. Ровинский высоко ценил литературное наследие Петра Негоша за народность, которую считал «главным достоинством», позволившим достичь уровня «высшей художественности». Народность отразилась не только в том, что «Горный венец», например, полон народных преданий и песен, обрядов и традиций, пословиц, примет, что там есть живой язык, доступный любому и в то же время удивительно богатый и образный. Народность произведений Негоша в том, что они несут мощный просветительский заряд, что они пробуждают интерес к чтению и литературе вообще. «Народность эта дает себя знать особенно из того, что в Черногории цитируют его многие, совершенно безграмотные, иногда даже не знающие, что это сочинение владыки; и наоборот: в «Горском венце» вы встречаете массу изречений, о которых никто не может сказать, взяты ли они владыкой у народа, или народ усвоил их от владыки и употребляет как народные пословицы», - отметил славист²⁰. Такое слияние души народа и души писателя составляет суть поэтического гения.

Наконец, еще одна тема, поднятая П.А.Ровинским в книге о Негоше. Это тема безграничного обаяния, харизмы, не только внешней, но и внутренней красоты, которыми был наделен Петр II. Внешний облик митрополита был слишком привлекателен, красота его носила, можно сказать, греховный характер и породила у современников самые нескромные подозрения, когда они читали лирические стихи поэта. Обвинения в нецеломудренности митрополита высказывались и до, и после его смерти; они заставили П.А. Ровинского собрать немало свидетельств тех, кто знал владыку, чтобы опровергнуть подобного рода домыслы. Славист подчеркивал, что все, кто лично встречался с Негошем, вольно или нет подпадали под его обаяние, а это не объяснить только

¹⁹ Там же, с.157

²⁰ Там же, с.159

симпатичной внешностью. Как будто сговорившись, современники рисовали почти одинаковый портрет: «Личность владыки, в какую бы среду ни была поставлена она, в каком бы обществе не находилась, везде была бы замечена, всегда оставила бы по себе след... Прекрасной наружности, роста очень высокого даже между черногорцами, с выражением умным, глазами более задумчивыми, чем блестящими, он имел манеры чрезвычайно приятные; ничего нервного, резкого, угловатого в обращении. Владыка привязывал к себе с первого знакомства; но кто знал его ближе, тот не мог не привязаться к нему всей душой», - процитировал П.А.Ровинский воспоминания Е.П.Ковалевского²¹ привел еще немало подобных описаний, вышедших из-под пера итальянцев, англичан, немцев. «Владыка своим образованием, манерами и разговором способен был очаровывать людей, так что мог повести их за собой, куда хотел», - утверждал серб М.Медакович²². Можно, конечно, предположить, что такое завораживающее впечатление на иностранцев Негош производил своей образованностью и талантом. Но такое же очарование испытали и те, кто не был слишком образован, кто был из вражеского стана, жители сопредельных турецких областей или османские чиновники, имевшие по службе дело с Петром II. В своей книге П.А.Ровинский часто упоминает о том с каким невольным почтением относились к правителю Черногории даже его противники. Доказательством необычной харизмы Негоша стал случай, описанный А.Н.Поповым. Митрополит путешествовал из Дубровника в Котор на пароходе, и все пассажиры начинали вести себя очень чинно, как только замечали его. Австрийцы, по словам А.Н.Попова, искали повод заговорить, а албанцы бесхитростно обратились к русскому путешественнику с просьбой: «Попроси господаря, чтобы он позволил нам поцеловать его руку». Попов выразил удивление, потому что албанцы были католиками и «врагами» православного епископа. Они ответили: «Мы соседи и уважаем его... Он юнак и добрый человек»²³.

Всеобщая любовь и уважение не сделали митрополита ни высокомерным, ни надменным, ни падким на лесть. П.А.Ровинский отмечал, что Петр II всегда держал определенную дистанцию с людьми, искавшими его расположения и дружбы. Славист подчеркнул, что владыка не выносил раболепия и угодничества: «Не искал и не терпел он лести, особенно противно было ему холопство, какого бы вида оно ни было, в угодливом ли чиновнике, или в трактирном слуге. А как человек проницательного ума, он не легко давался в обман и потому выбор его падал

²¹ Там же, с.203

²² Там же, с.205-206

²³ Там же, с.197

действительно на лучших людей»²⁴. Поэтому, воспользовавшись выводами П.А.Ровинского, современные исследователи имеют все основания говорить, что Негош не только оставил неповторимый след в черногорской культуре, он подбирал и готовил кадры для будущих государственных начинаний, тем самым создавая базу для провозглашения Черногории княжеством. В личности владыки мы видим то, что редко уживается в одном человеке: богатая художественная фантазия и творческий потенциал сочетались с политическим здравомыслием и практицизмом.

Эти многочисленные свидетельства дали П.А.Ровинскому основания не верить в обвинения, выдвигаемые оппонентами Петра II, и оставить за собой право считать черногорского правителя личностью выдающейся, цельной и прекрасной во всех отношениях. Само собою разумеется, что мы не обязаны принимать целиком точку зрения слависта. Мы можем предпочесть менее восторженные и более критические изыскания П.А.Лаврова. Однако то искреннее восхищение, которое выразил П.А.Ровинский, проливает свет не только на личность Петра II. Многое можно сказать и об авторе «Черногории в ее прошлом и настоящем»²⁵. Прожив долгую, трудную, очень содержательную жизнь, пройдя через увлечение революцией, много путешествовавший по свету, побывавший на войне и видевший гибель людей, страдавший от безденежья и знавший голод не в переносном, а буквальном смысле, П.А.Ровинский сам остался удивительно чистым и привлекательным человеком. Как много сходства обнаружит исследователь, когда сравнит портрет русского слависта, оставленный современниками, с тем, что Ровинский писал о Негоше. Он как будто вложил в образ поэта все, во что верил и что ценил. Подлинный демократизм и стремление в меру своих сил помочь, настоящий, а не показной гуманизм, доказанный трудной и продолжительной общественной деятельностью, умение отказать от материальных благ во имя науки – все это с полным основанием можно сказать о П.А.Ровинском. Поэтому его романтические представления о черногорской истории и о деятелях того времени не вызывают отторжения у современных исследователей, прекрасно понимающих, в чем славист ошибался. П.А.Ровинский стал таким же подвижником российской науки, каким был его герой Негош в деле борьбы за свободу славян.

²⁴ Там же, с.212

²⁵ Ровинский П.А. Черногория в ее прошлом и настоящем. СПб., тт.-III, 1888-1915

Varvara B. HLEBNIKOVA

MYSTERY OF THE PERSON OF THE POET AND RULER
PETAR NJEGOŠ IN THE WORKS OF P. A. ROVINSKI

Summary

P.A. Rovinsky assumed large amount of historical sources of XIX century as a basis of his monography about Njegoš. Scientist stated, that Njegoš was an outstanding person who had a huge influence on his circle. Not only friends and admirers of his literature talent, but also his political opponents fell under his influence.

In all the political and literature ideas of Njegoš P.A. Rovinsky sees his special talent, farsight, constancy and succession.

Scientist estimates Petar II so high, because he found an embodiment of his own ideals in Njegoš' deeds. Letting others to judge Njegoš Rovinski only kept admiring him.

